

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

В. П. Кобычев

ЯЗЫК ЕСТЬ НЕМ

«При полном невежестве в чтении и письме они, тем не менее, ведут нечто вроде летописи по нагроможденным кучам голов и рогов в жертвенных домах, которые напоминают им о происшествиях, поразивших их во время жертвоприношения»¹. «Вместо актов они передают друг другу бирки, надрезы на которых означают отдельные пункты»². Когда они дают клятву, то «устанавливают камень или кость... Большое количество таких исторических напоминаний имеется в особенности в старых церквах, священных пещерах и т. п. местах; осетины так привыкли к ним, что могут, находясь перед этими предметами, быстро перечислить самые важные обстоятельства... Время от времени жители совершают паломничества к этим священным местам, чтобы восстановить воспоминания о данном случае. Это является, конечно, своеобразной формой летописи, которая доступна, увы только записавшему»³.

Так отзывались путешественники конца XVIII — начала XIX в. об осетинах, которые в ту пору, как и другие народы Северного Кавказа, не имели письменности и при необходимости прибегали к подобному рода «узелкам на память».

С тех пор минуло более полутора столетий. У народов Северного Кавказа появилась собственная письменность, возникла национальная литература. Но и сегодня в горах среди руин некогда почитаемых храмов и капищ можно видеть разложенные на ограде или сваленные в кучу остатки прежних жертвоприношений и памятные шести и камни — реликты ныне позабытой всеми необычной письменности.

Безмолвны полуразрушенные башни, разбросанные по склонам хребтов и вершинам холмов. Один лишь ветер гуляет меж потемневших от времени развалин горных аулов, в большинстве своем покинутых людьми. И один лишь ветер знает, что башни не так уж немые, что они могут многое рассказать о кипевшей некогда в горах жизни, о канувших в Лету поколениях, их судьбах, радостях и страстях. Для этого стоит лишь пристальнее взглянуть в сумрачные стены. Не в архитектуру построек, которую А. М. Горький однажды образно назвал «каменной летописью

¹ Ю. Клапрот, Путешествие по Кавказу и Грузии в 1807—1808 гг., сб. «Осетины глазами русских и иностранных путешественников» (далее «Осетины...»), Орджоникидзе, 1967, стр. 166.

² Штедер, Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1871 г., «Осетины...», стр. 34.

³ К. Кох, Путешествие через Россию к Кавказскому перешейку в 1837 и 1838 гг., «Осетины...», стр. 271.

человечества» (она, без сомнения, так же выразительна, хотя и безгласна), а в сами камни: среди них немало расписанных диковинными узорами, украшенных грубо выбитыми фигурами людей, зверей и птиц и прочими таинственными знаками — это петроглифы, рисованные «буквы». Но как расшифровать их? Как подобрать ключ к этой загадке ушедших времен? Быть может, в этом нам помогут старинные предания гор? Послушаем их.

...Цицка-Солса, могучий нарт, ехал тесниной реки Ассы, что течет в горах Ингушетии. В том месте, где горы несколько отходят от воды, образуя небольшую поляну, известную в народе под названием Солнечной,

Рис. 1. Рога жертвенных животных на ограде храма в сел. Дзивгис. Северная Осетия (здесь и далее фото автора)

герой остановился, пораженный необычным зрелищем: вода в ручье, протекавшем по лугу, была кроваво-красного цвета.

Недоумевая, Цицка-Солса направил своего коня вверх по ручью. Под скалой, где источник выбивался из-под земли, он увидел сидящего на корточках великана—вампола. Вампол спал, сжимая меж колен саблю так, что рукоять ее упиралась в землю, а острие торчало кверху. Время от времени голова великана, охваченного дремотой склонялась вниз и натывалась на саблю. От боли великан просыпался, смахивал кровь с рассеченного лба в ручей, обводил сонным взглядом округу и снова впадал в забытье.

Ничего не понимая, Цицка-Солса подъехал поближе и, дождавшись, когда великан в очередной раз очнулся от боли, громко воскликнул:

— Эй, вампол! Что ты здесь делаешь? За что так мучаешь себя?

На что великан отвечал:

— Я подстерегаю здесь другого великана, который украл у меня жену. Он должен проехать через это ущелье. Сабля не дает мне заснуть: ведь я сижу здесь уже много-много дней.

Цицке-Солсе стало жаль несчастного вампола и он сказал:

— Ложись, сосни немного, я покараулю за тебя.

— Э, нет, человек. Твой голос подобен комариному пisku, и ты не

сможешь разбудить меня. Вот если бы тебе удалось поднять столетний дуб и им ударить меня по голове, я, возможно, проснулся бы.

Цицка-Солса слыл самым сильным среди могучих богатырей-нартов. Слова вампола задели его за живое. Не говоря ни слова, он обхватил ближайшее дерево руками, раскачал его и вырвал вместе с корнем из почвы.

— Теперь, надеюсь, ты не сомневаешься в моей силе?

Удовлетворенный вампол кивнул головой в знак согласия, отбросил в сторону саблю, устроился поудобнее и тотчас же захрапел. А Цицка-Солса развел огонь и принялся готовить себе еду, посматривая изредка в сторону реки, где должен был проехать соперник вампола.

Уже стало смеркаться, когда наш герой заметил между горами едущего на коне страшного великана с косматой гривой волос. Позади всадника сидела такая же косматая женщина огромного роста. Поняв, что это и есть ожидаемый противник, Цицка-Солса ударил изо всей силы спящего великана стволем дерева.

Вампол вскочил, осмотрелся по сторонам, заметил вдали своего обидчика и, обратившись к Цицке-Солсе, сказал:

— Спасибо тебе, человек, за твою доброту. А сейчас, если хочешь остаться в живых, уходи отсюда побыстрее: здесь будет бой не на жизнь, а на смерть. О том, кто из нас двоих победит, ты узнаешь и издали. В случае, если победа будет за мной, у меня на плечах зажгутся изображения солнца и луны, моих родных братьев и покровителей...⁴

Солнце, луна, звезды — издревле почитаемые человеком светила. О поклонении им говорится во многих легендах народов Северного Кавказа, в частности связанных с широко представленным некогда культом бого-человека Маго⁵.

Отголоски указанных космогонических верований и отразились в рисунках на камнях, встречающихся в глухих горных ущельях, а также в магических узорах на одежде, теле и т. п. Об изображениях на одежде Геродот писал, что в «тамошних (т. е. кавказских — В. К.) лесах есть и деревья, покрытые листьями такого рода, что их растирают и смешивают с водой и этим составом рисуют на одеждах узоры; эти узоры не смываются и стареют вместе с материей». У хевсуров, например, подобные узоры — равноконечные кресты, круги, зигзаги и прочие символы небесной космогонии в орнаментике одежды дожили почти до наших дней. По мнению Е. И. Крупнова, питандеры (штампы) в виде концентрических кругов, спиралей, и дугообразных лучей, которые археологи находят при раскопках памятников кобанской культуры, использовались именно для этой цели, т. е. для нанесения узоров на одежду⁶.

В Дагестане нередко рисовали прямо на теле. По словам А. А. Дирра, еще в нач. XX в. женщины иногда наносили на лоб и подбородок синей краской четыре точки⁷ (стилизованные изображения того же солярного креста), которые в сочетании с кругом мы встречаем и среди некоторых рисунков на камнях.

Важнейшей особенностью петроглифов, распространенных на Северном Кавказе, является то, что они выбиты не на скалах (как в Закавказье).

⁴ Полностью легенду см. В. П. Кобычев, О днях, что в предания ушли, «Итоги полевых работ Ин-та этнографии АН СССР, в 1971 г.», М., 1972, стр. 66—68.

⁵ О культе Маго см.: Ф. Я. Горелекин, Маги-едра. Языческий бог ингушей, «Терские ведомости», Владикавказ, 1909; Л. И. Лавров, Из поездки в Черноморскую Шапсугию летом 1930 г., «Сов. этнография», 1936, № 4—5, стр. 134; В. П. Кобычев, Из этногенетических преданий ингушей, «Итоги полевых работ Ин-та этнографии АН СССР, в 1970 г.», М., 1971, стр. 60.

⁶ Е. И. Крупнов, Новые питандеры из Чечено-Ингушетии, сб. «Древности Восточной Европы», М., 1969, стр. 110.

⁷ А. М. Дирр, Заметка о татуировке в Дагестане, «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (далее СМОМПК), Тифлис, 1915, вып. 44, стр. 23.

казье), а на жилых и боевых башнях, храмах, склепах и могильных стелах. В этом отношении петроглифы рассматриваемого региона сближаются с такими же рисунками на бытовых предметах, камнях из соседнего Дагестана, где культура петроглифов представлена еще шире⁸.

Отметим также, что камни с рисунками, как правило, отличаются от остальных камней кладки памятников более плотной структурой и цветом, преимущественно карминно-красным, желтым или синим. Такая цветовая гамма неслучайна. Указанным цветам в прошлом придавали магическое значение, как отражавшим цвета небесных светил и самого неба⁹. В одном из сказаний некий великан Ходжа именуется попеременно то Черным, то Желтым, то Синим¹⁰. Синий, красный и желтый цвета были излюбленными цветами одежды в старину, если судить по образцам, сохранившимся в ингушских и осетинских склепах.

Петроглифы различаются и по технике исполнения. Одни из них представляют собой контурный рисунок, другие выбиты по всей их плоскости. Имеются и такие, в которых сочетается та и другая техника.

Наиболее часто на петроглифах-оберегах, о которых будет идти речь ниже, встречаются следующие изображения: круг, разделенный прямым крестом или четырехлепестковой розеткой на четыре равновеликих сектора; два concentрических круга с четырех-восьмилепестковой розеткой в середине; такие же розетки, без круга; различные спирали, решетка, косой (иногда строенный) крест; крест с раздвоенными и закругленными, наподобие рогов барана, концами; свастика, «елочка», волнистая линия. Встречались также так называемые чашечные камни, с углублениями в форме кругов, прямоугольников, дуг и т. п., хотя отнесение последних к группе оберегов несколько проблематично.

Особое магическое значение на Кавказе издревле придавали изображению креста. «Крест настолько уважается ими (аланами, предками осетин. — В. К.), что бедным, как туземцам, так равно и пришельцам..., достаточно укрепить изображения креста на конце шеста с хоругвью и, подняв его, нести: это позволяет им во всякое время идти с полной безопасностью», — сообщает доминиканский монах Юлиан, проезжавший через степи и предгорья Северного Кавказа в 1235 г.¹¹

Старики рассказывают, что в прошлом, при эпидемиях и стихийных бедствиях небольшие крестики выбивали на камнях, обрамлявших входные и оконные проемы жилых башен¹², точь-в-точь как это делали в старину в глухих русских деревнях, где аналогичные кресты вырезали на дверях с тем, чтобы оградить дом от нечистой силы¹³.

В дальнейшем, под влиянием христианства, в изображение креста стали вкладывать несколько иное содержание, толкуя его в соответствии с канонами этой религии. Доказательством тому служат многочисленные кресты с Голгофой, высеченные на могильных стелах и выложенные в кладке боевых башен, склепов и храмов.

Если смотреть на эти кресты с точки зрения техники исполнения, их следует отнести скорее к декору, чем к петроглифам в строгом смысле

⁸ О петроглифах Дагестана см.: А. С. Башкиров, Петроглифика Аварии, М., 1930; Н. Б. Бакианов, Архитектурные памятники Дагестана, Л., 1935; Е. М. Шиллинг, Изобразительное искусство народов Горного Дагестана, «Доклады МГУ», М., 1950; Д. М. Атаев, В. И. Марковин, Петроглифика горной Аварии, «Ученые записки Ин-та истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР», Махачкала, 1965; П. М. Дебиоров, Резьба по камню в Дагестане, М., 1966.

⁹ Напр., в легенде о зачатии нарта Соски-Солсы, см.: С. Ч. Эльмурзаев, Новые данные о чечено-ингушских нарт-эртхоевских сказаниях, «Сборник статей», Грозный, 1964, стр. 132.

¹⁰ Там же.

¹¹ «Осетины...», стр. 13.

¹² Устное сообщение С. М. Хасиева, за которое выражаю ему глубокую признательность.

¹³ Н. А. Никитина, К вопросу о русских колдунах, Сб. МАЭ, вып. 7 Л., 1928, стр. 322.

этого слова. Однако по своему назначению это не что иное, как те же обереги, и поэтому с известной оговоркой их вполне можно причислить к рассматриваемой категории знаков.

Для нас, впрочем, гораздо важнее отметить, что на указанных памятниках почти полностью отсутствуют резные рисунки. Отсюда следует, что культура петроглифов к этому времени, по существу, стала сходить на нет.

Боевые башни, по мнению большинства исследователей, стали возводить в основном в послемонгольское время, между XIV—XVI вв.¹⁴, и, следовательно, этот хронологический рубеж можно считать верхней границей распространения петроглифов в их подлинном значении¹⁵.

Жилые башни намного древнее боевых, и в них камни с петроглифами в большинстве случаев вставлены вторично, что доказываемся их случайным местонахождением, зачастую «вверх ногами», судя по изображениям на этих камнях. Между тем известно, что культы неба, солнца и воды возникли вместе с появлением земледелия, которое на ранней ступени своего развития всецело зависело от милостей природы. Обожествление неба было свойственно всем раннеземледельческим народам. И в этом смысле корни петроглифов-оберегов космогонического характера уходят в глубочайшую древность¹⁶.

Но не менее широк хронологический диапазон бытования и петроглифов с зооморфными и антропоморфными изображениями. Древнейшими среди последних следует считать, по-видимому, петроглифы с изображением козла, позднее вытесненные изображениями барана. Такое заключение можно сделать как из самих петроглифических сюжетов, так и из фольклора почти всех народов края. Козел на камнях всегда изображен полностью, с туловищем, ногами и хвостом, нередко в сочетании с солярными знаками, человеческими фигурами и другими символами, в то время как баран изображается сугубо условно — в виде силуэта головы либо еще примитивнее — в форме закрученных рогов. Изображение козлов мы находим и в писаницах Закавказья, древнейшие из которых относятся к эпохе неолита и раннего металла.

Согласно письменным источникам и фольклору народов Кавказа, козел наиболее предпочтительное жертвенное животное и даже божество Тацит пишет о народах Закавказья иберах и албанах, что «...никто не приносит там в жертву барана»¹⁷. Абхазы еще в недавнем прошлом совершали в кузницах ежегодные моления, при которых резали трехгодовалого холожденного козла. Женщина-абхазка через некоторое время после выхода замуж приезжала в дом отца с жертвенным козлом и совершала отпускное моление¹⁸. Осетины, по словам Ю. Клапрота, на Рождество закалывали и приносили в жертву коз, на Новый год — свиней, а в день св. Михаила — быков и баранов. Их колдуны, шаманствуя во время предновогодних празднеств, впадали в экстаз и уверяли, что видят души усопших, которые находятся либо посреди большого болота, либо верхом на свиньях, собаках и козлах¹⁹. Козла приносили в жертву горе Казбек, убивали при совершении кровной мести²⁰. Почти повсе-

¹⁴ Е. И. Крупнов, Средневековая Ингушетия, М., 1971, стр. 78.

¹⁵ Подробнее о датировке петроглифов Северного Кавказа см.: В. П. Кобычев, Летопись гор, «Итоги полевых работ Ин-та этнографии АН СССР в 1972 г.», М., 1973.

¹⁶ В противоположность этому, В. И. Марковин считает, что петроглифы Северного Кавказа относятся к позднему Средневековью, см.: В. И. Марковин, Средневековые чеченские и ингушские петроглифы, «Материалы научной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР». Тезисы докладов, Баку, 1964, стр. 134.

¹⁷ Тацит, *Анналы*, VI, 34.

¹⁸ И. А. Аджиנגал, *Из этнографии Абхазии*, Сухуми, 1969, стр. 238 и сл.

¹⁹ Ю. Клапрот, *Указ. раб.*, стр. 165.

²⁰ К. Кох, *Указ. раб.*, стр. 271.

Рис. 2. Боевая башня, украшенная различного рода крестами, в сел. Дейничу. Горная Чечня

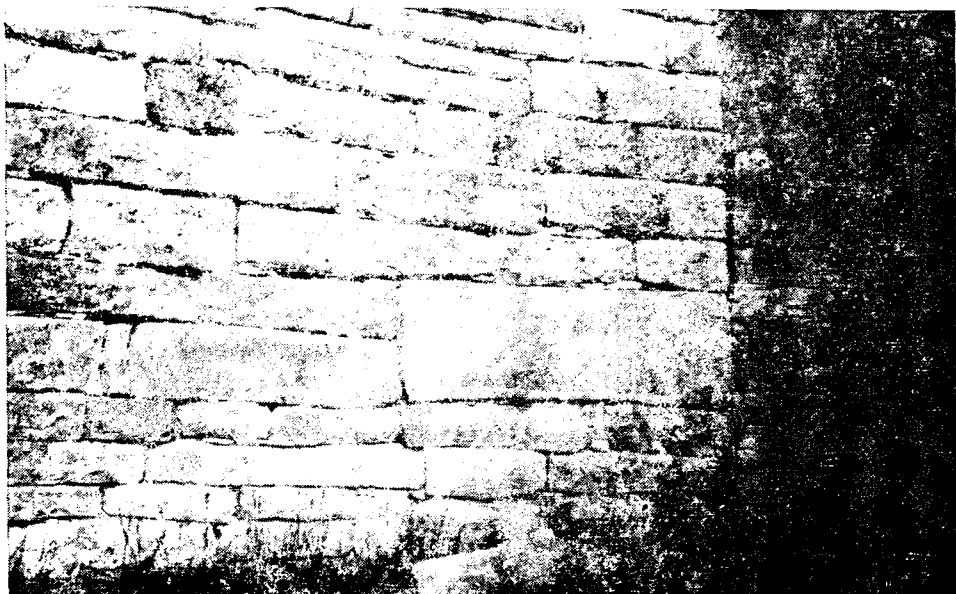

Рис. 3. Камень с петроглифом в кладке стены жилой башни, вставленный «вверх ногами». Горная Чечня

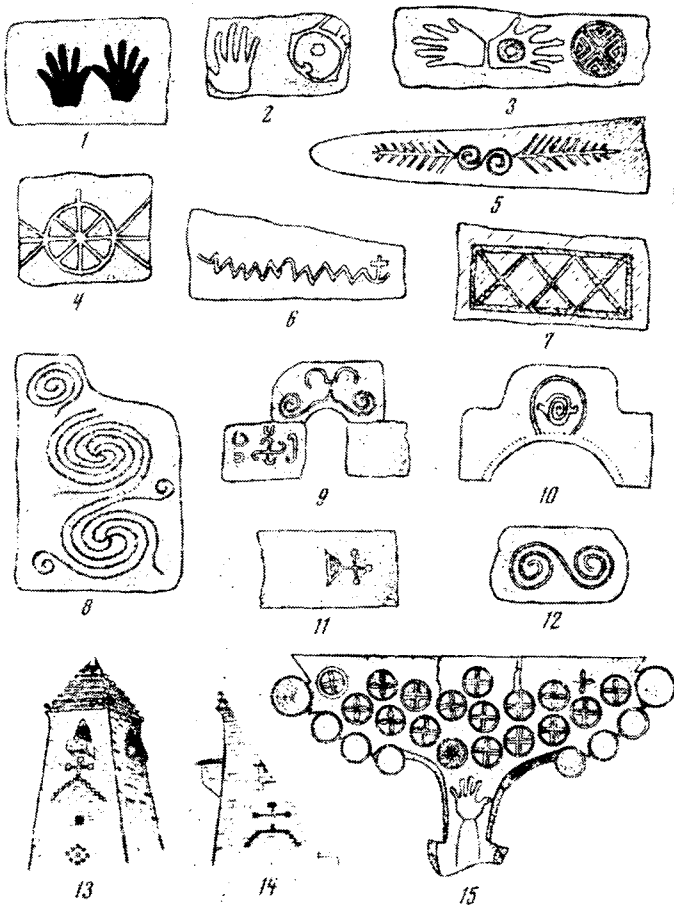

Рис. 4. Обереги, обнаруженные в разных местах: 1 — с. Галанчеж; 2—4, 6, 7 — с. Итум-кале; 5 — с. Дейничу; 8—10 — с. Химой; 11 — Ичкерия. Крест с Голгофой на могильной стеле (по М. В. Попову); 12 — с. Таргим; 13 — Ингушетия. Крест с Голгофой на фасаде боевой башни; 14 — фасад хевсурской боевой башни с крестом с Голгофой (по С. И. Макалатия); 15 — с. Барзикау (Сев. Осетия). Опорный столб с космогоническими символами — оберегами

местно на Северном Кавказе над могилой убитого молнией резали черного козла, а шкуру его вывешивали на виллообразном шесте²¹.

Чеченцы и ингуши дарили козла в качестве главного приза лучшему стрелку во время состязаний, устраиваемых при похоронах или поминках. В эпосе этих народов говорящий козел выступает в качестве защитника главного героя Колой-Канта²². По свидетельству Б. Далгата, козел у ингушей олицетворял бога Тамыж-ярды, храм которого находился на горе Будур-лам возле с. Худи. Тамыж-ярды представляли также в виде маленького человечка, сидевшего верхом на лошади величиной с козленка²³.

²¹ Штедер, Указ. раб., стр. 56; см. также статью Я. Рейнегса в сб. «Осетины...», стр. 101.

²² Ч. Ахрнев, Похороны и поминки у горцев, «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. 3, Тифлис, 1870, стр. 31. А. Н. Грен, Сказки и легенды чеченцев в русском пересказе, СМОМПК, вып. 22, 1897, стр. 15.

²³ Б. Далгат, Первобытная религия чеченцев, «Терский сборник», вып. 3, кн. 2, Владикавказ, 1893, стр. 102, 103.

В 1971 г. со слов пастуха-хевсура нами была записана любопытная легенда о возникновении в Хевсуретии святилища Хонис-гори. В легенде говорится, как перейдя в ислам, ингуши решили изгнать своего прежнего бога. С этой целью они окружили посвященную ему молельню и стали стрелять из ружей и выкрикивать в адрес старого бога различные угрозы. Долго в молельне царила тишина. Но потом вдруг оттуда выскочил козел и, прыгая с вершины на вершину, скрылся в направлении Хевсуретии.

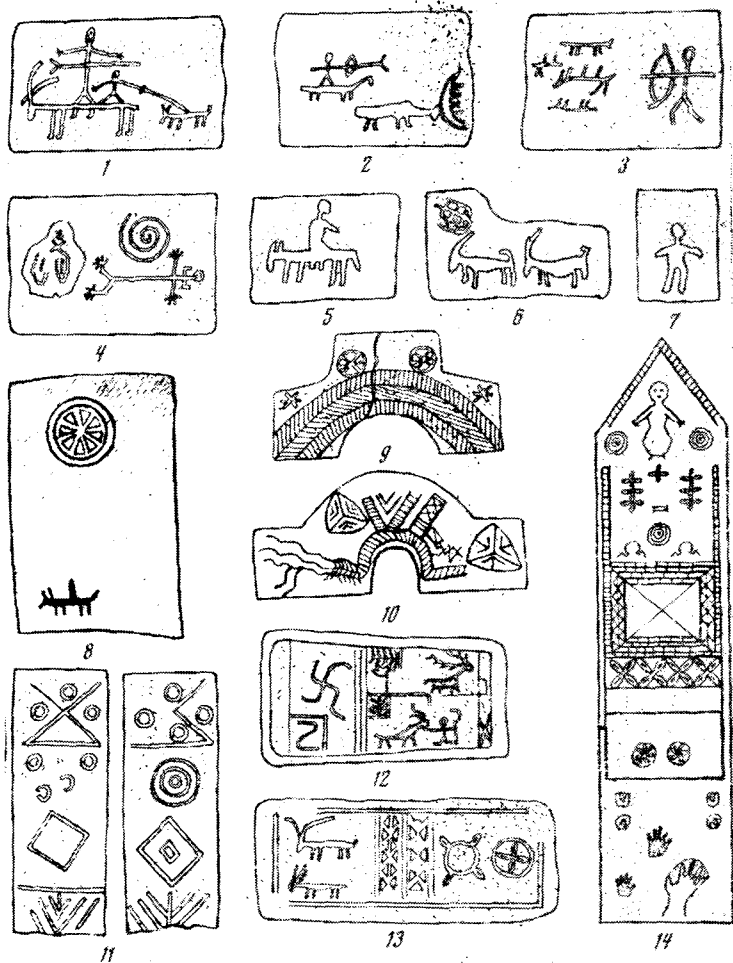

Рис. 5. Сюжетные картины из различных селений: 1 — с. Ташли; 2, 3 — с. Нижний Кей; 4 — с. Эгикал; 5—8 — с. Химой; 9 — с. Мелэр; 10 — с. Мачи; 11—13 — с. Харьбарой; 14 — с. Акки

Почитание козла отразилось в местной топонимии, в различных поверьях и приметах, а также в загадочных петроглифических сюжетах, среди которых наибольший интерес представляет изображение всадника с рогатиной, сидящего верхом на козле (рис. 5, 1).

Значительно меньше были распространены культы других животных, что отразилось и на петроглифах. Исключение представляет лишь изображение рогов барана, нередко венчающее солярный крест. Оно, возможно, послужило основой и для создания четырех- и восьмилучевой розетки. Завитки рогов барана представляют также излюбленный мотив

народного северокавказского орнамента, что вполне закономерно, учитывая хозяйственную роль этого животного в жизни населения края²⁴.

К числу древнейших и популярнейших петроглифов-оберегов следует отнести и изображение человеческой руки, символизирующей всякое добро, благополучие и счастье. Изображение руки чаще всего встречается на стенах и арочных камнях жилых башен, реже на боевых башнях и могильных стелах и только один раз обнаружено в склепе²⁵.

Обычно изображается отпечаток левой кисти с обращенными вверх пальцами. Но известны и изображения правой кисти, правой и левой одновременно и даже нескольких вместе. Например, в полуподземном склепе в селении Лац в Северной Осетии изображено шесть отпечатков кистей: две правой и четыре левой²⁶. Три как бы тянущиеся вверх руки высечены в нижней части огромной каменной стелы в окрестностях с. Акки в Акинском обществе Чечни (рис. 5, 14). Наконец, встречаются изображения рук с солярными знаками на тыльной и боковой сторонах ладони. Нередко рядом с рукой изображены различные животные²⁷.

Обычай оставлять отпечаток руки в качестве оберега и носителя счастья в древности был широко распространен по всему Ближнему Востоку²⁸. На Северном Кавказе пережиточно он существует до наших дней: оттиск ладони изредка оставляют на свежей штукатурке вновь построенного дома.

Отголосок указанного обычая сохранился в том уважении, с которым горцы прикасаются к могилам руками. «Никто не пройдет мимо даже старой могилы не только родственника, но и знакомого без того, чтобы не подойти и не приложить руки к холмику или памятнику, не сказав при этом: «Рохсаг — о!» — «Будь светел», — пишет Г. Кокиев²⁹.

От описанных изображений кистей рук — оберегов и благопожеланий следует отличать изображение руки (иногда с локтевым или плечевым суставом) с кистью, обращенной вниз³⁰. Это не что иное, как изображение победного трофея, для которого у чеченцев имелся даже специальный термин «цетга». Подобный обычай зафиксирован Геродотом еще у скифов³¹. Константин Багрянородный сообщает, что печенеги, бывшие в подчинении у узов, носили укороченные до колен кафтаны, у которых рукава были отрезаны до предплечья, показывая этим, что они оторваны от своих сородичей и угнетены³². Так расценивали и предки вайнахов отрезанную руку врага, видя в ней одновременно магический знак и символ своего превосходства над врагом.

Петроглифы, распространенные на Северном Кавказе, это не только различного рода обереги. Другую большую группу их составляют так называемые сюжетные панно или композиционно сложные картины. Эти последние в большинстве своем состоят из тех же солярных знаков и подобных им символов земной тверди — лесов, полей, а также водной

²⁴ Г. Я. Мовчан сообщает, что в Дагестане в некоторых старых домах окна имеют форму буквы «Ф»; скорее всего это стилизованное изображение головы барана, см.: Г. Я. Мовчан, Социальная характеристика старого аварского жилища, «Кавказский этнографический сборник», вып. 5, М., 1972, стр. 284.

²⁵ В с. Верхний Баксан (Балкария) в склепе, принадлежавшем по преданию горскому князю Камгуту, см.: И. М. Чеченов, Древности Кабардино-Балкарии, Нальчик, 1969, стр. 75.

²⁶ Г. Кокиев, Склеповые сооружения Горной Осетии, Владикавказ, 1928, стр. 9, рис. 12.

²⁷ «Материалы по археологии Кавказа», т. 8, табл. 49, 11.

²⁸ См. А. З. Розенфельд, О некоторых пережитках древних верований припамирских народов, «Сов. этнография», 1959, № 4.

²⁹ Г. Кокиев, Указ. раб., стр. 22.

³⁰ Такая рука, по словам В. И. Марковина, выбита на арочном камне боевой башни в с. Хайбахой (см.: В. И. Марковин, В стране вайнахов, М., 1969, стр. 64) и над входом в жилую башню в с. Ташли (см. «Итоги полевых работ Ин-та этнографии АН СССР в 1972 г.»).

³¹ Геродот, История, кн. IV, § 62.

³² Константин Багрянородный, Об управлении империей, гл. 14.

стихии и прочего. Мы вправе полагать, что указанные рисунки в различных сочетаниях таят в себе определенную, качественно отличную нагрузку. При этом в ряде случаев, как можно видеть из прилагаемых рисунков, речь идет не просто о каких-то незатейливых элементарных понятиях — заклинаниях, но о подлинных рисованных текстах-пиктограммах. Таков, например, рисунок на стеле из окрестностей чеченского селения

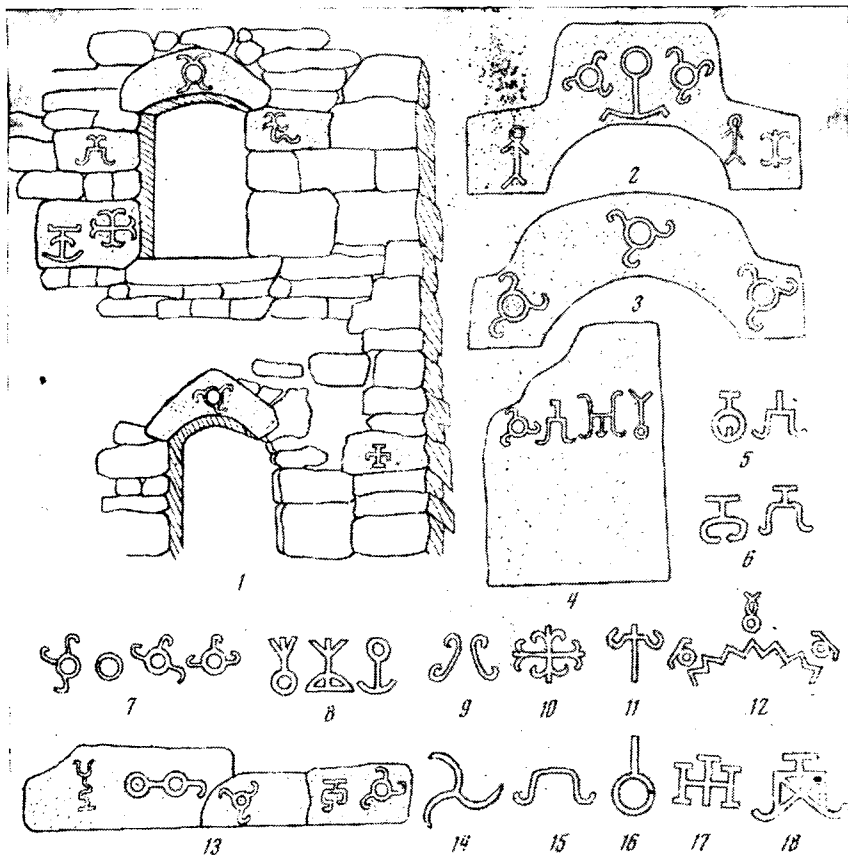

Рис. 6. Тамги, обнаруженные в разных местах: 1 — с. Бейни; Тамги на фасаде жилой башни Шаухаловых; 2 — с. Мелэр; 3 — с. Пуй; 4—5 — с. Воуги; 6 — с. Зенгали; 7 — с. Кереты; 8—12 — ингушские тамги; 13 — с. Акки; 14—15 — осетинские тамги; 16—18 — с. Малхиста

Ташли с фигурой человека, двумя рядами четырехконечных лепестков и какой-то сложной геометрической сеткой (календарем?) в центре, или настоящие картины в камне из селения Харкъарой (рис. 5, 11—13). Разбор всех этих сюжетов — дело чрезвычайно сложное и требует специального исследования. Пока же, к сожалению, приходится ограничиться признанием того факта, что язык данных рисунков-надписей, говоря словами русского летописца, для нас «есть нем».

И, наконец, третья группа петроглифов — тамгообразные знаки (клейма, тавра).

Подобно другим ранее рассмотренным видам петроглифов тамги в большинстве своем сохранились в горах Чечни и Ингушетии, главным образом на арочных камнях жилых башен. В одних случаях эти фамильные и родовые знаки высечены поодиночке, в других — по несколько штук

сразу, как например, на башне Шаухаловых в ингушском с. Бейни или в с. Воуги в Аккинском обществе Чечни.

Из этнографических материалов нам известно, что тамги часто высекались также на дверях домов гостями в знак установления дружбы и куначества с хозяином дома. Двери с такими знаками сохраняли как фамильную реликвию и переносили в новые дома³³. Л. П. Семенов сообщает об одной такой двери с пятью тамгами, которые он видел в ингушском с. Нижние Ачалуки³⁴. Ш. Б. Ногмов указывает, что в старину адыги на дверях домов записывали деяния предков³⁵, о чем свидетельствуют группы тамг, высеченных по случаю какой-либо памятной даты. Есть сведения, что подобное собрание тамг всех кабардинских княжеских фамилий было высечено на скале Кунитыга, находящейся около скотопрогонной дороги в долине реки Малки³⁶. В урочище Архыз в Карачае, по преданию, на камнях выбиты тамги всех карачаевских родов. Там же имелась местность под названием Тамгашхо и Тамгацик (дословно «Большое тавро» и «Малое тавро») ³⁷. В одной чеченской легенде говорится, что когда этот народ жил в местности Нашаха, то все роды раз в году собирались на общий праздник и варили пиво в котлах, на которых были нанесены знаки всех фамилий, принадлежавших к данному роду³⁸. Достоверность этого сообщения косвенно подтверждается найденными при раскопках кубками и чашами, на которых выбиты клейма и родовые тавро³⁹. Наконец, большие собрания тамг периода раннего средневековья есть также в Крыму, который в древности был тесно связан с Северным Кавказом⁴⁰.

К сожалению, изучение северокавказских тамг еще только начинается. Кое-что сделано лишь по собиранию и изучению тамг кабардинцев, балкарцев и отчасти карачаевцев и западных адыгов; по тамгам же чеченцев, ингушей и осетин почти нет иллюстрированных публикаций. Поэтому сегодня трудно что-либо сказать об общности данных петроглифических сюжетов всех народов. Но что такая связь существовала, подтверждается данными, полученными при сопоставлении тамгообразных знаков исследуемого региона. Провести эту работу тем более необходимо, что тамги в свое время, как мы могли в этом убедиться, служили народам своеобразными «визитными карточками» и могут быть приравнены к простейшим идиограммам, в которых нашли отражение сложные социально-политические и экономические отношения населения края на разных этапах его исторического развития. Одновременно тамги, как и другие вышеразобранные петроглифы, можно рассматривать в качестве знаков зарождавшейся письменности народов края, письменности, которой так и не суждено было сложиться.

³³ Е. Р. Бинкевич, К истории черкесского жилища, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. 6, 1949, стр. 78.

³⁴ Л. П. Семенов, Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 гг., Грозный, 1936, стр. 36.

³⁵ Ш. Б. Ногмов, История адыгейского народа, Нальчик, 1958, стр. 72.

³⁶ Ш. Д. Инал-ипа, Абхазы, Сухуми, 1965, стр. 220, прим. 1.

³⁷ Е. П. Алексеев, Археологические раскопки у аула Жако в Черкесии, «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры АН СССР», вып. 60, М., 1965, стр. 72, 73.

³⁸ П. ов, Землевладение у чеченцев, «Сборник сведений о Терской области», вып. 1, Владикавказ, 1878, стр. 267.

³⁹ См., например, «Народы Кавказа», т. I, М., 1960, стр. 179.

⁴⁰ См., например, Э. И. Соломоник, Сарматские знаки Северного Причерноморья, Киев, 1959; А. Драчук, Шаг в неведомое, Симферополь, 1971, стр. 30 и сл.